

«Стиль, отвечающий теме...»

В стихотворении «Форма» (Подражание Шиллеру) Некрасов писал:

Форме дай щедрую дань
 Временем: важен в поэме
 Стиль, отвечающий теме (II, 439).

В «Кому на Руси...», произведении глубоко народном по теме, характеру образов, мироощущению героев, Некрасовым найден и «отвечающий теме» стиль. Основные особенности его определяют широкое использование богатств народной поэзии и живой разговорной лексики русского крестьянства середины XIX века. Погружаясь в народно-поэтическую стихию, вживаясь в певучий народный говор, поэт учился «смотреть на жизнь глазами народа, думать и чувствовать в духе народа, говорить его языком, писать в его вкусе».¹

Отношение Н. А. Некрасова к фольклору определялось его общей идеологической позицией. Еще В. Г. Белинский в борьбе за национальную самобытность литературы придавал большое значение ее обращению к народному творчеству, ориентируя, однако, писателей не на слепое подражание последнему, а на творческое использование здоровых, прогрессивных его начал. Развивая и углубляя важнейшие положения эстетики Белинского, вожди революционной демократии 60-х годов считали народную поэзию прекрасным материалом для характеристики народа, выражением его внутренней душевной жизни, видели в ней большую эстетическую ценность, веками слагавшееся духовное богатство.

Ни один из поэтов второй половины XIX века не изучал фольклор с таким жадным, неослабевающим интересом, как

¹ Сакулин П. Н. Некрасов // Некрасов в русской критике. М., 1944. С. 100.

Некрасов. Народное творчество явилось для него средством проникновения в чувства и образ мыслей русского крестьянина, средством художественного воспроизведения типических сторон его жизни.

Основным источником при изучении фольклора была для Некрасова жизнь. Общаясь с крестьянами Ярославской, Костромской, Владимирской губерний, он многие годы «по словечку» собирал перлы народной словесности. Но это не мешало поэту внимательно штудировать, читать и перечитывать сборник А. Афанасьева «Народные русские сказки» (М., 1855), собранные В. Далем «Пословицы русского народа» (М., 1862), «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (М., 1861—1867), сборник Е. В. Барсова «Причитания Северного края» (М., 1872) и многие другие. Рукописи Некрасова пестрят выписками из этих сборников.

Большой знаток народной жизни, Некрасов в процессе чтения этих сборников что-то принимал, а что-то отбрасывал. «Личный опыт помог ему выработать надежный критерий для идейной оценки тех или иных материалов фольклора... Именно потому, что Некрасов был органически близок народу, фольклор не был для него фетишем. Поэт распоряжался им совершенно свободно, творчески подчиняя его своим собственным — некрасовским — идейным задачам, своему собственному — некрасовскому — стилю, ради чего и подвергал его, в случае надобности, решительной и энергичной трансформации, по-новому переосмысляя его».²

Роль СКАЗКИ в становлении и оформлении замысла эпопеи, цель введения в главу о Савелии БЫЛИННЫХ МОТИВОВ и характер использования в главе «Пир...» народных ЛЕГЕНД И ПРЕДАНИЙ мы уже выяснили. Но наиболее широко поэма «Кому на Руси...» впитала такие жанры современного для Некрасова фольклора, как ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ЗАГАДКИ, ПЕСНИ, ПРИЧИТАНИЯ.

ПОСЛОВИЦАМИ, ПОГОВОРКАМИ, ЗАГАДКАМИ³ пересыпал, «расцветил, испестрил, раззолотил», по выражению

² Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. М., 1959. С. 417.

³ По неполным подсчетам, поэма впитала в себя около 70 пословиц и поговорок и более 30 загадок. Полный свод сопоставлений текста поэмы «Кому на Руси жить хорошо» с ее фольклорными источниками (пословицами, поговорками, загадками, песнями, свадебными и похоронными причетами и т. д.) читатель найдет в работе: Беседина Т. А. Фольклор в поэме (Сопоставление текста «Кому на Руси жить хорошо» с его народно-поэтическими источниками) // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962. С. 183—219.

К. Чуковского, Некрасов всю поэму от начала до конца. Мы встретим их в каждой главе, в устах персонажей и в авторской речи. Чем же объясняется повышенный интерес поэта к этим «малым» жанрам устной народной поэзии?

Пословицы и поговорки — свидетельство неисчерпаемого богатства народного русского языка. «Пословица не даром молвится», «Красна речь с поговоркой», — говорит народ, подчеркивая тем громадную смысловую и образно-выразительную их роль в человеческой речи.

Пословицы — «краткие народные изречения с назидательным смыслом».⁴ В них в меткую, сжатую словесную форму отлился народный взгляд на явления природы, быта, труда и социальных отношений. Поговорка близка пословице своей образностью, но лишена оттенка назидательности и характеризуется меньшей, чем пословица, смысловой и синтаксической законченностью.

Некрасов-поэт всегда искал наиболее четкую и лаконичную форму выражения своих мыслей. В народной речи он очень высоко ценил «слово меткое». Вполне понятно, что афористичность, меткая содержательность пословиц и поговорок привлекли внимание автора «Кому на Руси...». Обращение к ним открывало перед поэтом возможность проникновения в мир народных нравственных и эстетических понятий и представлений, помогало созданию произведения истинно народного и по смыслу и по своему национально-стилевому колориту.

Пословицы и поговорки, вплетенные в художественную ткань «Кому на Руси...», сохранили свою жанровую природу, т. е. остались краткими суждениями, изречениями, но подверглись той смысловой и художественной доработке и переработке, которой требовали идейная направленность и стиль некрасовской эпопеи.

Такие народные речения, как «Не в бровь, а прямо в глаз», «Из песни слова не выкинешь», «Попасть пальцем в небо», «Как у Христа за пазухой», «Рад бы в рай, да грехи не пускают», «Эта капель не на вашу плешь», «Шипит, как каленое железо, когда плюнешь» и многие другие, привлекли Некрасова свежестью и экономной формой выражения мысли, озорной меткостью.

---

⁴ Словарь русского языка // Под ред. С. П. Обнорского. М., 1952. С. 48.

Одни из поговорок и пословиц этого типа Некрасов вводит в текст поэмы без изменений: «Хожалому, квартальному / Не в бровь, а прямо в глаз»; «...и жили мы, / Как у Христа за пазухой» и т. д. В других случаях — видоизменяет, подчиняя ритмическому строю поэмы:

Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!

Или:

Была капель великая,
Да не на вашу плешь! и т. д.

Как правило, синтаксическая природа пословиц характеризуется двучленностью, при которой, однако, единство двух членов обосновано смыслом и закреплено синтаксическими параллелизмами, звуковыми повторами, внутренней или конечной рифмовкой:

Горох в полЕ, что девка в домЕ —
Кто ни пройдеТ — всяк щипнеТ...
Бородка МинИНА, а совесть глиняНА.

Поэтому материал пословиц и поговорок легко укладывается в ритмически организованный текст «Кому на Руси...»:

Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнет!..
У Клима совесть глиняна,
А бородача Минина.

Часто, используя поговорку, Некрасов насыщает ее дополнительным смыслом через введение в определенный поэтический контекст. Например, поговорки: «У бога небо коптит», «Как у Христа за пазухой» — социально нейтральны. В них выражено лишь моральное осуждение (первый пример) и удовлетворение жизнью (второй). Но когда Оболт-Оболдуев, подводя итог своей жизни, говорит: «Коптил я небо божие» и плачет о временах крепостного права, когда жилось помещикам, «как у Христа за пазухой», — эти поговорки в общем контексте речи Оболта обретают социальную заостренность, становятся средством сатирического разоблачения дворянского паразитизма. В этом случае за счет контекста восполняется присущая поговорке смысловая и синтаксическая незаконченность, и она начинает звучать как пословица.

В поговорках Некрасов ценил лаконизм и образность. Пословицы помимо этого привлекли его своим смысловым содержанием, своей идейной направленностью. Бросается в гла-

за, что большая часть пословиц, использованных Некрасовым в поэме, имеет определенную социальную окраску. Притом поэта особенно привлекают те пословицы, в которых сказались пробуждение народного самосознания, социальный антагонизм, способность верно осмыслить социальные противоречия действительности. Таковы пословицы о тяжелом положении солдат («Солдат шилом бреется, дымом греется»), недостижимости правосудия («Царь далеко, а бог высоко»), сословном неравенстве («Бары кипарисовые, мужики вязовые»), социальной несправедливости («Рабочий конь на соломе, а пустошляк на овсе»), ненависти к помещикам («Хвали рожь в стогу, а барина в гробу» и др.).

Нередко пословицам, имеющим чисто нравственный или бытовой смысл, Некрасов придает социальную остроту. Так, например, пословица «Не велика птичка, да ноготок остер» включена в такой контекст, что становится социально значимой: она показывает, как бессилен, связан мужик сравнительно с маленькой, но свободной птичкой, как мечтает народ об истинной воле. В пословицу о спесивости и моральной неразборчивости человека («Напала на кошку спесь: не хочет с печки слезть», «Где прошла свинья, там и почесалась») поэт вводит слова «барское крыльцо», и строки

Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо

сразу же обретают сатирическую направленность, клеймят презрением барских холуев. Пословица «Каково деревце, таковы и яблочки», служа подтекстом вопроса мужиков Оболту, выявляет необоснованность его чванства. Применив пословицу «При нас читано, да не при нас писано» к оценке манифеста 1861 года, автор «Кому на Руси...» выразил с ее помощью глубокое недовольство народа «царской грамотой». Еще интереснее переосмысление Некрасовым нравственно-религиозных пословиц о неминуемом господнем возмездии: «От божьей кары не уйдешь», «Бог долго ждет, да больно бьет», «Рубят и топоры до поры». На листе с черновыми переработками фольклорных текстов Некрасов первоначально дает контаминацию этих пословиц: «Есть у бога топоры, да лежат до поры». Позже, используя эту заготовку, он переработал и радикально переосмыслил ее. Не о божьей каре, а о народной расправе с угнетателями идет речь, когда Савелий заявляет:

Да наши топоры
Лежали до поры.

Вековой гнет, необходимость подчиняться насилью дали себя знать в ряде пословиц скорбно-иронического характера: «Где сила, там и закон», «Чья сила, того и правда», «Чем сильнее, тем и правей». Некрасов в песне «Русь» этим народным формулам противопоставляет созданный по типу народного, но противоположный по смыслу афоризм

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается,

который выражает веру в торжество правды и готовность идти ради нее на любые жертвы.

Можно наметить еще один путь обработки Некрасовым материала пословицы: развертывание ее в целую поэтическую картину. Так, на основе пословицы «Бор сожгли, а соловушек по гнездышку плачет» поэт создает потрясающую по лирической силе картину материнского горя. Прием двукратного символического параллелизма (горе птички — горе матери) помогает раскрыть красоту душевного мира, лиризм переживаний Матрены Тимофеевны.

Какова же функция пословиц и поговорок в поэме?

Будучи включенными в речь автора-повествователя, они придают его образу черты народности, делают внутренне близким образу странствующих мужиков. Но в большинстве случаев пословицы и поговорки вводятся автором в прямую речь персонажей и служат средством их социальной и психологической характеристики. Речь крестьян в поэме пересыпана поговорками и потому производит впечатление удивительной «всамделишности», но употребляемые каждым из персонажей пословицы и поговорки выражают особенности именно его личности.

Матрена Корчагина пользуется в основном пословицами, которые выражают народную житейскую мудрость, почти все пословицы в речи Савелия социально окрашены, говорят о несправедливости («Высоко бог, далеко царь»), величии народных сил («И гнется, да не ломится»), растущем мужицком гневе («Да наши топоры...»).

Суждения старосты Власа и Климки Лавина представляют собой своеобразную мозаику пословиц, поговорок, загадок. Пословицы в речи Власа, человека, изверившегося в добро,

окрашены тонами иронии и скептицизма, особенно когда он говорит о Климе, которого считает проходимцем и холуем. Поговорку Клима «За правдивую погудку смычком по рылу бьют» Влас называет «бесстыжей». Через пословицу «Хвали рожь в стогу, а барина в гробу» выражает Влас свое отношение к Последышу.

Пословицы, введенные в речь Клима, прекрасно отражают противоречивость его природы: и цинизм Лавина, и горький здравый смысл его суждений, и озорное лукавство (когда подхалимскую пословицу «Бары кипарисовы, мужики вязовые» он наполняет мужицкой иронией), и нескрываемую ненависть к помещикам.

Таким образом, пословицы и поговорки в прямой речи народных персонажей поэмы являются не только средством их социальной атрибуции, но и средством индивидуализации их образов.

Большое мастерство проявляет Некрасов в использовании народных загадок, которых в поэме более тридцати.

В загадке нет тех широких социальных и нравственно-бытовых обобщений, которые характеризуют жанр пословицы. Ее область — предметы и явления быта, крестьянского обихода, труда, окружающей человека природы. Но в загадках, может быть, еще ярче, чем в пословицах, проявилась ОБРАЗНОСТЬ народного мышления. В них выявлено и в лаконичной художественной формуле запечатлено многообразие связей между явлениями внешнего мира.

Известный советский фольклорист Ю. М. Соколов определяет загадку как «замысловатый вопрос в форме метафоры».⁵ В основе метафоры всегда лежит сближение двух явлений на основе либо их внешнего сходства (свекла по цвету уподобляется сапожкам, звездное небо — рассыпанному гороху, крылатая ветряная мельница — птице), либо на основе сходности функций, действий (замок — сторожевая собака, эхо — говорящее существо), но сравниваемый предмет не назван, а лишь подразумевается.

В загадке предмет загадывания, названный лишь в отгадке, должен быть определен по признакам другого предмета, его замещающего, иными словами — метафора в загадке требует расшифровки. Но, веками вращаясь в народном обиходе, многие загадки потеряли свою непосредственную функцию,

---

⁵ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 217.

так как метафоры, скрытые в них, стали общеизвестны. Однако те образно-ассоциативные связи между явлениями, которые были зафиксированы загадкой, прочно вошли в систему народного мышления. Они-то и интересуют Некрасова.

Поэт вводит загадки в текст «Кому на Руси...» в расшифрованном, разгаданном виде. Скрытое в загадке название угадываемого предмета Некрасов включает в текст, увязывая тем загадку с сюжетной нитью повествования. Например, странники приходят в деревню и видят, что калитки всех домов заперты на замки. И естественно, суждение странников по этому поводу облекается в традиционную народную формулу загадки, уподобляющей замок верной собачке. Но Некрасов в первую часть загадки («черненькая собачка свернувшись лежит») вводит ключевое слово «замок», а последнюю ее часть оставляет почти без изменения:

Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом.

Загадка о снеге («Летит — молчит, лежит — молчит, когда умрет, тогда заревет») вводится в ткань повествования пояснительными словами, включающими слово-отгадку:

Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры... и т. д.

Загадка о солнце — «Красная девушка в окошко глядит» — тоже разгадана:

Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.

Мы видим, что во всех этих случаях Некрасов восстанавливает сокращенный член метафор и тем превращает их в сравнения.

Большую часть загадок, в основе которых лежит метафора, основанная на зрительной или звуковой ассоциации (эхо — человеческая речь, рев ручья при таянии снега — человеческий плач, мельница-ветрянка — птица, солнце — красная девушка, дождь — мотки ниток развешены, небо — синий бархат, рисунок звездного неба — писаная грамота, колося — столбы с золочеными головками, свекла — красные сапожки, стоги сена — гордые князя Волконские), Некрасов включает в речь повествователя и использует для пейзажных зарисовок и описаний. Картины природы в народной поэме рисуются, следовательно, теми художественными средства-

ми, на основе тех устойчивых образных связей, которые веками складывались в народном сознании. Автор-повествователь смотрит на мир природы глазами крестьян, говорит их языком.

Загадки, построенные на метафорах, в основе которых лежит принцип функциональной схожести явлений (про топор, веретено, пилу, свинью, соринку в глазу, рукомойник, могилу, тень, сон, колоду), Некрасов либо развертывает в своеобразные сравнения, либо превращает в суждения, пословицы, на основе одного фольклорного жанра творит другой. Например, загадка про рукомойник («Один богомол и всем кланяется») превращена в сравнение, с помощью которого Влас характеризует Клима Лавина: «Как рукомойник кланяться готов за водку всякому». А загадки о свинье («По земле ходит, неба не видит») и могиле («Заедешь в ухаб, не выедешь никак») становятся в поэме народными сентенциями:

А свиньи ходят по земли —
Не видят неба век!

Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб,
Не выедем никак.

И сравнения, и афоризмы, выросшие из загадок второго типа, автор поэмы использует главным образом для обогащения речи ее персонажей средствами народнопоэтической образности.

Как и пословицы, Некрасов подвергает загадки строгой художественной обработке. Он сжимает, спрессовывает их текст (например, загадку про эхо: «Живет без тела, говорит без языка, плачет без души, смеется без радости, никто его не видит, а всяк слышит»); из нескольких вариантов загадки использует, как правило, наиболее краткий, отбрасывает излишний словесный балласт, лишаящий сравнение ясности, придающий ему ненужную архаичность (например, в загадке про рожь: «На поле Ногайском, на рубеже татарском стоят столбы точеные, головки золоченые»); стягивает воедино материал нескольких вариантов загадки на одну тему (так Некрасов объединяет две загадки: «Кто с бородой родился?» (Козел) и «Кто прежде родился: баран или Адам?» в одно общее суждение мужиков о глупом и самоуверенном Луке); обогащает взятый из народного творчества образ дополнительными средствами художественной выразительности, придает

с помощью контекста народной загадке новый или дополнительный смысл. Так, метафору загадки про ночь («Написана грамотка по синему бархату, не прочесть этой грамотки ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам») Некрасов разворачивает в великолепный пейзаж звездной ночи:

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату... и т. д.

Картина обогащается за счет введения Некрасовым зрительного контраста двух метафор: «червонное золото» звезд и «синий бархат» неба. Инверсирование постоянных эпитетов (ночь тихая, небо темное) и введение народно-песенных повторов (по синему по бархату) делают некрасовский пейзаж, фольклорный по происхождению, народно-поэтическим и по форме выражения.

Другой пример. При разворачивании загадки о солнце («Красная девушка в окошко глядит») в сравнение

Смеется солнце красное,
Как девка из снопов

Некрасов делает образ не только более выразительным, но и более народным. Упоминание о снопах, изменение более общей морфологической формы «девушка» на простонародное «девка» связывает сравнение с крестьянским бытом, а намеченная в загадке образная связь явлений становится более мотивированной: сияние солнца в ореоле золотых лучей уподобляется смеху краснощекой деревенской красавицы, окруженной золотом ржаных колосьев.

Загадку о звездах («Рассыпался горох на семьдесят дорог») Некрасов употребляет в таком контексте («Поспел горох! Накинулись / Как саранча на полосу...»), который лишает ее метафоричности: речь идет не о звездах, а о горохе.

Но чаще контекст поэмы придает бытовой загадке социальный оттенок. Использование в речи Якима загадки про пилу («Скоро ест и мелко жует, сама не глотает и другим не дает») делает более яркой картину жизни вечно голодного, «весь век» жующего «с мякиною, с кострикою» хлеб, мужика. Загадка о соринке в глазу («Пал дуб в море, море плачет, а дуб нет»), преобразованная в суждение о Последыше, в контексте главы получает ясную антидворянскую направленность: сословная спесь — его уязвимое место. Загадка о сви-

ные («По земле ходит, неба не видит») превращена в антидворянскую поговорку: разумному барину Веретенникову противопоставлены те дворяне, которые, живя трудом крестьянина, высокомерно игнорируют его нужды.

Таковы функции пословиц, поговорок, загадок в поэме и способы их обработки Некрасовым. Широкое применение «малых жанров» фольклора значительно усиливает эпический характер повествования в «Кому на Руси...».

Пословицы, поговорки, загадки рассыпаны по всему тексту поэмы. Жанр народных ПЕСЕН и ПРИЧИТАНИЙ ведет нас к главе «Крестьянка».

Вряд ли можно назвать в русской поэзии произведение, в котором от лица русской крестьянки были бы с такой глубиной и правдивостью, проникновенностью и лиризмом раскрыты ее судьба, чувства, переживания. Как же удалось Некрасову добиться столь высокой степени перевоплощения, так войти во внутренний мир женщины-крестьянки, так передать строй ее чувств?

Конечно, в первую очередь здесь сказался поэтический гений Некрасова и прекрасное знание им жизни русской деревни. Но немаловажную роль сыграло и то, что, работая над главой «Крестьянка», он мог опереться на богатейший материал народного поэтического творчества, который вобрали в себя сборники П. Н. Рыбникова и Е. В. Барсова.

В III часть «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым» вошла свадебная обрядовая лирика, то есть все те причитания и песни, которыми по установившемуся на Руси обычаю, сопровождался свадебный обряд. Основное содержание сборника Е. В. Барсова «Причитания Северного края» составляли похоронные причитания олонечкой вопленицы И. А. Федосовой. Если в свадебных причитаниях весьма сильно ощущается власть фольклорной традиции и ритуально-игровой элемент, то в похоронных преобладает непосредственно импровизационное начало. Не связанная определенным традиционным текстом, лишь опираясь на отдельные, выработанные искусством вопления, поэтические формулы, вопленица свободно изливает в надгробных или надмогильных плачах свою собственную скорбь и скорбь близких покойного. У Ирины же Федосовой, обладавшей огромным поэтическим талантом и необычайным даром сопереживания, плачи разрастались в целые поэмы, в которых она с пронзительной искренностью рисовала и трагические обстоятельства жизни, и внутренний мир женщины-крестьян-

ки. Этими своеобразными поэтическими документами и воспользовался Некрасов. К причетам были приложены записанные Барсовым автобиографии во плениц, в том числе очень любопытная автобиография И. Федосовой, особенно привлекавшая внимание автора «Кому на Руси...». В процессе работы над главой «Крестьянка» Некрасов не раз перечитывал сборники Рыбникова и Барсова, сделал из них массу выписок, взял с собой за границу, где летом 1873 года писал «Крестьянку».

Итак, чтобы придать рассказу Матрены Корчагиной максимальную правдивость и поэтическую достоверность, автор поэмы использовал свадебные причитания, семейно-бытовые песни, автобиографию И. Федосовой, ее похоронные плачи. Но этот разнородный фольклорный материал переплавлен автором «Крестьянки» в единое поэтическое целое, обрел под пером мастера новое художественное качество, заиграл новыми красками.

Познакомимся же хотя бы выборочно с народно-поэтическими текстами, столь пленившими Некрасова, и задумаемся в приемы их художественного совершенствования в поэме «Кому на Руси...».

Свой рассказ Матрена Тимофеевна начинает с той поры, которая обозначена в заглавии: «До замужества».

В свадебных причитаниях, хотя они и составляли часть традиционного свадебного ритуала, в лирической форме нашли отражение многие характерные моменты жизни крестьянской девушки: любовное отношение к ней матери, страх перед замужеством, горечь расставания с родной семьей, с девичьей волей.

Матрена мысленно возвращается к годам своего девичества, вспоминает сватовство Филиппа и рассказывает об этом словами тех самых причетов, которые произносит невеста, которые произносила когда-то, расставаясь с «вольной волюшкой», и она, Матрена. Поэтому глава «До замужества» представляет собой мозаику свадебных причетов, художественно обработанных и сюжетно сцементированных. Из причетов заимствованы Некрасовым песенка-побудка «Вставай, сестра!», благодарность бане, фрагменты «Идет родная матушка...», «Чужая-то сторонушка...», «Ах, что ты парень в девице...», «Ах, кабы знать, послала бы...», «Ты стань-ка, добрый молодец...» и «Велел родимый батюшка...».

Но свадебные причитания как жанр народной поэзии являлись лишь словесным аккомпанементом, сопровождавшим

очень сложный и очень условный свадебный обряд, обязательными элементами которого были побудка невесты подружками в свадебный день, обрядовая баня, прощание с волей-красотой и многое другое. Некрасова мало интересовала эта обрядовая сторона, причитания были важны для него содержащимся в них реально-бытовым и лирико-психологическим материалом. Поэтому, сохранив тему и фразеологию свадебных причетов, он меняет их функцию и тональность. Отражающее реальный быт причитание автор поэмы вырывает из обрядово-игровой стихии, тесно связывает с повседневной жизнью героини.⁶

Сопоставим текст обрядового причета, которым подружки будили невесту в день свадьбы, с некрасовским текстом:

В поэме:

Отец, поднявшись до-свету,
 Будил дочурку ласкою,
 А брат веселой песенкой;
 Покамест одевается,
 Поёт: «Вставай, сестра!
 По избам обряжаются;
 В часовеньках спасаются —
 Пора вставать, пора!
 Пастух уж со скотиною
 Угнался; за малиною
 Ушли подружки в бор,
 В полях трудятся пахари,
 В лесу стучит топор!»

В причете:

Пора вставать да пробуждаться:
 По селам петухи поют,
 По избушкам печки топятся,
 По церквам да богу молятся,
 По часовенькам спасаются.

Время встать вам, пробудитися;
 По деревням печи топятся,
 По дворам да петухи поют.
 По полям да пахари пашут,
 В островах да секари секут...

(Здесь же пояснение слова «острова»: небольшие отдельные участки леса.)

Нетрудно заметить, что в поэме не подружки в свадебный день невесту, а брат в обычное утро будит сестру, напоминая ей о начавшемся трудовом дне. Некрасов усиливает бытовой колорит текста, наращивает число бытовых деталей за счет соединения двух вариантов причета и дополнения:

Пастух уж со скотиною
 Угнался; за малиною
 Ушли подружки в бор.

Вне всякой связи со свадебным обрядом дана в поэме и песенка-побудка матери:

Приходила желанная родитель-матушка,
 Меня словом побудила, а ручкой окутала.

⁶ Наблюдение В. Еланской (*Еланская В. О народно-песенных истоках творчества Некрасова // Октябрь. 1927. № 12. С. 113—126*).

«Спи-ка, малая касатая ластушка,
Про запас, про запасное времечко!
Ты будешь на чужой дальней озаобной сторонушке,
Не дадут там долго спать-высыпаться:
К вечеру уложат позднешенько,
По закат красна солнышка,
По утру разбудят ранешенько,
До восхода тепла красного солнышка;
Погонят тебя, бедную,
В лес по красные боровные ягодки,
Дают корзинку четверичную,
В корзинку кинут корку обгорелую».

Сравнительно с фольклорным Некрасовский текст спрессован, сжат, а несколько внесенных автором бытовых деталей

(Управится с горшочками,
Все вымоет, все выскребет,
Посадит хлебы в печь...)

придают глубокую искренность и теплоту обращению матери, которая, сердцем чуя горькую судьбу дочери в будущем, спешит хоть теперь оберечь ее от черной работы, похолить, полелеять.

Шесть длинных строк похвалы обрядовой бане:

(Спасибо тебе, теплопарная баенка,
На пару-жару, на мыльном щелоке!
Тебе спасибо, бела березка кудреватая,
На хорошем семिशелковом веничке!
Спасибо быстрая текучая реченька,
На свежей-то ключевой воды!)

Некрасов превращает в три предельно лаконичные строки:

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу.

Кроме того, важно, что похвала бане, связанная с наиболее условной частью свадебного обряда, дана в поэме вне его. Слова благодарности бане в поэме следуют после рассказа героини о тяжести полевых работ:

День в поле проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Поставленная Некрасовым в тесную связь с трудовыми процессами крестьянской жизни, обрядовая лирика приобретает в поэме глубоко реалистическое звучание, служит средством характеристики крестьянского быта. Свадебные причитания

Некрасов использует и как ценный документ, раскрывающий душевное состояние девушки и ее родных в день сватовства и предстоящей после свадьбы разлуки. Притом поэт добивается большей, сравнительно с фольклорным источником, точности и убедительности психологической детали. Например, невеста обычно причитала о тяжелой жизни на чужой стороне-шке:

Как чужа дальня ознобна сторонушка,
Не садами она испосажена,
Не медами она наполивана,
Не сахаром, злодейка, пересыпана...

Она боится, как бы на чужой стороне ее

Буйны ветры не обвеяли,
Черны вороны не обгряли,
Злы собаки не облаяли,
Добры люди не смеялися.

Некрасов вкладывает этот причет в уста не невесты, а матери ее, по опыту собственной жизни знающей, что

Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!

Другой пример. Причет

Становись же, млад отецкий сын,
На одну со мной мостиночку,
На едину перекладинку,
Гляди в точь да во ясны очи,
Гляди впрямь да во бело лицо,
Чтобы жить тебе — не каяться,
Мне-ка жить бы, да не плакаться.

связан с одним поэтическим моментом свадебной игры: невеста становилась на одну половицу с женихом и заставляла его глядеть ей прямо в глаза, как бы заглядывала ему в душу, чтобы выявить истинное отношение к себе.

Некрасова в этом обычае и причете «пленила трогательная непосредственность девушки-невесты, ожидающей от своего жениха той же ясности и чистосердечной откровенности, которые так присущи ей самой».⁷ Перерабатывая обрядовый текст (фрагмент «Ты стань-ка, добрый молодец»), Некрасов сделал его динамичнее, непосредственнее. Девушка волнует-

---

⁷ Соколов Ю. М. Некрасов и народное творчество // Лит. критик. 1938. № 2. С. 63.

ку на основе законов фольклорной поэтики: у невесты сначала вздрогнули ноги резвые, затем поблекло бело личико, а уже после третьего поклона совершилось то неизбежное, в ожидании чего бледнела и дрожала невеста:

...волюшка скатилася
С девичьей головы.

Свадебные причитания помогли Некрасову вчувствоваться в общий строй мыслей, чувств девушки-невесты, покидающей родную семью, насильно выдаваемой замуж за «чужа-чуженина», тоскующей, плачущей от страха перед «чужой, богоданной семеюшкой». Но причет, отражая типичное в судьбе крестьянской девушки, строился, однако, так, что мог быть использован любой невестой на любой свадьбе, мог передаваться из поколения в поколение. Это возможно было потому, что образ невесты и обстоятельства ее судьбы в причете не обладают достаточной индивидуализированностью, бытовой конкретностью.

Что же делает Некрасов? Общий рисунок юности Матрены Корчагиной, вышитый по мотивам обрядовой лирики, он расцвечивает конкретно-бытовыми, индивидуализирующими образ деталями, которые подсказывала ему реальная действительность, в том числе рассказ олонецкой крестьянки Ирины Федосовой о своей нелегкой жизни.

Из автобиографии И. Федосовой мы узнаем, что родители у нее были «прожиточные и степенные», что она «с шести год на ухаж лошадей гоняла», а позже «колотила, молотила, вяла и убирала», шила, кроила и коровушек доила, что не мешало ей быть заводилой во всяком веселье («шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю»). Вышла она замуж по любви, за того, кто ей «пал на сердце», но во втором браке муж уходил на заработки, и жизнь в чужой, «бранчливой, сварливой» семье была так тяжела, что Ирина Андреевна иногда сядет «в лисе на деревинку или на камышек» и начнет плакать... Нетрудно заметить, что все это нашло отражение в главе «Крестьянка».⁸

А вот как выглядит сцена сватовства в рассказе Федосовой и в изложении Матрены Корчагиной:

---

⁸ На факт использования Некрасовым автобиографии И. А. Федосовой первым обратил внимание К. В. Чистов (Научн. бюлл. ЛГУ. 1947. № 16-17. С. 39—45).

Всю ночь я продумала.
 «Оставь, — я парню молвила, —
 Я в подневолье с волюшки,
 Бог видит, не пойду!»
 — Такую даль мы ехали!
 Иди! — сказал Филиппушка, —

Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
 А дело девка делала:
 На суженого искоса
 Поглядывала втай.

«Бог ли понесет, с воли да в подне-
 волье»

— ответила я.

«Нет, как хошь, надо идти, мы
 такую даль ехали»

... «Жених сел подле меня и
 говорит:

«Идешь ли замуж?»

«Не знаю, — идтить ли».

«Иди, — говорит, — не обижу».

Стал подбивать и подговаривать.
 Век так ласкает ваш брат».

«Дома народу много, жених в
 большом углу... Там отец с нима
 займется, а я и не гляжу на
 женихов»...

Факты биографии Федосовой и колоритный язык ее рассказа, пересыпанного афоризмами («Я грамотой неграмотна, зато памятью я памятна...», «Не в лисях родилась, не пням богу молилась...», «Чужая сторона не медом полита, не сахаром посыпана...»), давали в руки автора «Кому на Руси...» богатые возможности индивидуализации образа, судьбы и речи героини.

Одним из средств выявления «типических обстоятельств» жизни русской крестьянки выступают в поэме семейно-бытовые песни.⁹

Песня в обобщенной форме фиксирует наиболее распространенные и типичные явления народного быта и чувства. Повествование об индивидуальной судьбе Матрены Корчагиной автор прославляет народными песнями, в результате чего и достигается ощущение типичности и индивидуальной неповторимости судьбы героини.

⁹ Вопрос о приемах идейно-художественной обработки песенных текстов в главе «Крестьянка» впервые освещен Н. П. Андреевым (Лит. учеба. 1936. № 7), а затем обстоятельно разработан К. И. Чуковским в кн. «Мастерство Некрасова». В целях компактности изложения мною не рассматриваются песни и песенные фрагменты, прозвучавшие в главе «Пьяная ночь» («Про Волгу-матушку...», «Мне старший зять ребро сломал...», «Иван кричит: „Я спать хочу!“») и песни из главы «Пир...», автором которых является сам Некрасов. Одни из них выдержаны в стиле гражданской лирики поэта, другие («Веселая», «Барщинная», «Голодная», «Солдатская», «Соленая») написаны им по законам «склада и лада» народных песен и с использованием отдельных фольклорных мотивов и источников.

Так, прежде чем рассказать о своей жизни после брака, Матрена поет песни о судьбе молодой в чужой семье («У суда стоять...» и «Спится мне, младенькой, дремлется...»), добавив затем:

Все, что в песенке
Той певалось,
Все со мной теперь
То и сталося!

Как и любой фольклорный материал, Некрасов подчиняет текст народных песен своему идейно-художественному заданию.

В песне о том, как родня с бранью набрасывается на приехавшую из-под венца молодую жену,¹⁰ поэт опускает окончание, в котором говорилось, как молодуха дает родне резкую отповедь и на оплеуху мужа («Муж руку отвел, / Жену по уху оплел») отвечает еще более крепкой оплеухой:

Жена руку отвела, —
По всей харе оплела.

Подобный финал никак не вязался с характером Матрены Корчагиной и всем гуманным пафосом поэмы к тому же, как это верно заметил К. И. Чуковский, не выражал сущности отношений в патриархальной крестьянской семье.

Народную песню «Спится мне, сладенькой, дремлется...», которая кончалась тем, что «мил-любезный» утешает свою «загоненную-заброненную» жену, Некрасов лишает этого смягчающего примирительного финала: в чужой семье никто не жалеет молодуху.

Что же давало поэту право так «вольно» обходиться с народно-песенным текстом? «Некрасов проверял показания песни подлинными фактами крестьянского быта, и, если приходил к убеждению, что в песне эти факты приукрашены, что действительность не такова, какую она предоставлена в песне, вносил в эту песню свои коррективы, дабы она не противоречила жизненной правде».¹¹

Матрене, попавшей в «большую, сварливую» семью, повезло найти в Филиппе ласкового и верного друга. Один лишь раз была она поколочена мужем. Чтобы показать, что подобное отношение к жене в патриархальной семье —

¹⁰ Некрасов творчески соединил несколько фольклорных вариантов двух широко распространенных песен.

¹¹ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. С. 476.

исключение, автор вводит в рассказ песню «Мой постылый муж...», раскрывающую более распространенный тип семейных отношений в деревне. Эту игровую, хороводную по функции песню автор «Крестьянки» переводит в бытовой план, делает драматическим рассказом об ужасах патриархального быта. В большинстве народных вариантов этой песни есть начало, в котором устанавливается причина побоев: жена загуляла с дружкой и виноватая возвращается домой, где ее встречает разгневанный муж. Некрасов отбрасывает это начало песни, так как оно противоречило нравственно-психологическому облику героини. Устранив мотив виновности жены, опустил он и концовку песни, в которой жена просит прощения у мужа. Так подчинял Некрасов народно-поэтический текст песен своему идейно-художественному заданию.

Иную роль играет в поэме песня «На горе стоит елочка», текст которой полностью взят Некрасовым из народного творчества. Она используется автором для психологической характеристики героини. Переполюющее Матрену чувство выливается в привычные, а потому особенно дорогие сердцу слова и напев любимой песни. Нежно-лирическая «На горе стоит елочка» гармонирует с переживаниями Матрены, когда она, разгоряченная думами о горемычной судьбе солдатки-матери, в тихую зимнюю ночь бежит спасать своего единственного заступника — любимого мужа.

Мы говорили об использовании Некрасовым автобиографии И. В. Федосовой. Но поэт, рассказывая жизнь Матрены Корчагиной, в ее биографию влил не только события жизни олонекской сказительницы, но и значительную часть сюжетного содержания ее творчества, все богатство психологических переживаний и бытовых наблюдений, заключенных в ее плачах-поэмах.

Известно, что главы «Демушка», «Волчица», «Трудный год» и «Бабыя притча» построены на творческом комбинировании мотивов федосовских плачей («О попе — отце духовном», «Об убитом громом-молвией», «Плач о старосте», «Плач о писаре», «Плач дочери по отце», «Плач вдовы по мужу»).

Не сопоставляя поэму Некрасова со всеми перечисленными причетами, возьмем лишь один фрагмент главы «Демушка» и на этом примере выявим роль плачей И. Федосовой в рождении главы «Крестьянка» и пути художественной обработки Некрасовым народно-поэтического текста.

Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, в луга.
Собрал народ: идут-кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрощенных,
Неправедных судей!

Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися,
У земского стола,
Налой и крест поставили,

Предстоит медицинское вскрытие. Мать просит не терзать тела ее младенца и «без поругания / Честному погребению / Ребеночка предать». Но мольбы ее тщетны. Упросишь ли?

В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Видя, как терзают «тело белое» ее ребенка, Матрена в иступлении кричит:

«Злодеи, палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,

Быдто зверь точно на упадь во
темном лесу.
Назад староста бежит да не
оглядывает,
Под окошечко скоренько
постучается
Он у этих суседей спорядовых,
Штобы справились на ям да
суровешенько:
Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит
посредничек,
Горячится он теперь на такову беду;
Сами сходите, крестьяна,
признаете,
Со каким да он приехал со
известьем;
Он для податей приехал ли
казенных,
Аль казна его безсчетна
придержалася,
Али цветное его платье
притаскалося,
Аль козловы сапоги да
притопталися?
Как наедет мировой когда
посредничек,
Как заглянет во избу да он во
земскую,
Не творит да тут Иисусовой
молитовки,
Не кладет да он креста-то по
писаному..

Как у этих мировых да у
посредников
Нету душеньки у их да во белых
грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой
груди...

Вы падите-тко горяци мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,

Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!

Ты дай же, боже, господи!
Чтоб тлен пришел на платице,

Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей-юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..»

Не на божью вы церковь, на
строеньице
Вы падите-тко горюци мои слезушки
Вы на этого злодея супостатого,
Да вы прямо ко ретливому
сердечушку!

Да ты дай же боже господи,
Штобы тлен пришел на цветно его
платице,

Как безумьиде во буйну бы
головушку!

Еще дай да боже господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши господи молитвы мои
грешныи!

Прими господи ты слезы детей
малых!

А вот плач Матрены у гроба Демушки:

«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..»

Ай же, плотнички-работнички!
Хто задал вам золоту казну
безчетную,
Што вы деете холодную хоромину —
не мшоную;
Не обнесены бросовы белы лавочки,
Не прорублены косевчаты
окошечка,
Не врезаны стеколычаты околени,
Не складена печенька муравленая,
Не услана перинушка пуховая...»

Вот только так, строку за строкой сопоставляя «Крестьянку» с плачами И. Федосовой, можно действительно почувствовать их роль в формировании одной из самых вдохновенных глав Некрасовской эпопеи.

Думается, что первым восклицанием человека, впервые увидевшего приведенное текстуальное сопоставление, будут слова: «Как похоже!» И вслед за ними недоуменный вопрос: «Что же, Некрасов САМ не мог об этом написать?»

В самом деле, почему же не «сам», зачем нужны Некрасову в таком изобилии федосовские плачи? И так ли уж похоже?

Когда-то Орина, мать солдатская, сама рассказывала поэту свою жизнь, и он несколько раз делал на охоте крюк и заезжал к ней, чтобы еще и еще раз выслушать ее рассказ, ибо боялся, по его словам, «сфальшивить» в создаваемой поэме. Нечто аналогичное происходит и при работе над «Крестьянкой».

Некрасовская эпопея — образец своего рода документальной поэзии середины прошлого века. Притом для Некрасова важна не только документальность факта, но и документальность психологии, мировосприятия нарисованных в эпопее героев. Плачи И. Федосовой представляли собой именно такой бесценный мировоззренческий и психологический документ.

Носителем речи в главе «Крестьянка» является крестьянка Матрена Корчагина — лицо, исторически, социально и психологически родственное Ирине Федосовой. И чтобы не сфальшивить, чтобы воспроизвести во всей истинности народный взгляд на разыгравшиеся события, предельно точно передать словесно-эмоциональную реакцию на них женщины-крестьянки, Некрасов использует словесно-образную ткань (так и хочется сказать «кружево») федосовских плачей. Направление творчества И. Федосовой (особенно ее плач «О старосте») оказалось так близко Некрасову, что, как правило, не потребовало идейного переосмысления. Некрасов лишь художественно обработал народно-поэтический материал. Каковы пути этой обработки?

«Сдержавушка», «упады», «суровешенько», «ям», «назолушка» — все эти диалектные слова, совершенно непонятные широкому читателю, остались в федосовском тексте. В словах типа «зазвенчала», «постучается», «запохаживае» просторечно-диалектная форма заменена на литературную: звенит, стучит, похаживал. Эпически-условные «да во белых грудях», «да во ясных очах» (какие уж там ясные очи у чиновников-стервятников?) превратились в точные и лаконичные «в груди», «в глазах», тягучие и архаические «казна его бессчетна», «холодную хоромину не мшоную» — в современные краткие «деньги», «дом».

Отбрасывая «балластные» (выражение Н. П. Андреева) слова, заменяя эпически длинные стихи народной причеты короткими и, за счет мужских окончаний, энергичными стихами, Некрасов сжимает, спрессовывает текст почти в четыре раза.

Экспрессия и динамика стихов поэмы возрастает не только за счет краткости строк и иного, чем в причете, ритма, но и за счет большого количества эмоциональных восклицаний («Чу!», «Беда!», «Нет! Сохрани господь!», «Злодеи! Палачи!») и повторения слов, обозначающих движение (разбежались, бежит, стучит, идут-кряхтят и др.).

Идейно-эмоциональное звучание фрагмента «Вы падите-тко горюци мои слезушки...» Некрасов кроме названных приемов усилил введением в него рефрена («Злодеи-палачи!», «Злодею моему!», «Злодея моего!», «Злодея накажи!»),¹² который выражает народную ненависть, жажду возмездия угнетателям и помогает почувствовать силу и нарастание гнева, переполняющего сердце Матрены Тимофеевны. Не забудем, что медицинское вскрытие тела, которое в плаче Федосовой рисуется лишь как страшная возможность, дано в поэме как реальный, свершившийся факт.

«Некрасов лишь художественно обработал...» Когда художник берет причудливо изогнутый древесный корень и, «чуть-чуть» его обработав, превращает в произведение искусства, в птицу, бабу-Ягу, танцовщицу, — это и есть творчество. Как известно, на этом чуть-чуть держится искусство, благодаря ему сучок превращается в птицу, народный причет — в перл мировой поэзии. Импульс и результат. Так ли уж похожи?

Можно было бы продолжать сопоставление. Лирическая канва главы «Волчица» суммирует мотивы плачей вдовы по мужу и невесты на могиле родителей. Некрасов психологически углубляет и социально обостряет текст: невзгоды семейной жизни рисуются невесте как картина отдаленного будущего, а для Матрены они — настоящее; родителей зовет не беспомощная девушка-невеста, а сильная, волевая, вынесшая несколько лет семейной каторги, но все же доведенная до отчаяния, женщина. И главу Некрасов завершает не имеющим аналогов в причете энергичным двустихием

Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу,

которое поднимает все причитание Матрены «Я пошла на речку быструю...» до уровня проклятия «злодеям-палачам».

Во вступительной статье к своему сборнику Е. В. Барсов на основе плачей И. Федосовой нарисовал картину невыносимой тяжести вдовой доли: приниженное положение вдовы в «богоданной семеюшке», трудности воспитания детей-сирот, притеснение их родственниками мужа, бедность, доводящую до необходимости послать детей по миру, «злобные сплетни»,

---

¹² Наблюдение Ю. М. Соколова (*Соколов Ю. М. Некрасов и народное творчество*. С. 72).

преследующие молодую вдову. Этот рассказ и федосовский плач «Вдовы по мужу» положен Некрасовым в основу главы «Трудный год».

Некрасов усиливает драматизм повествования, объединив все эти возможные типические ситуации. Н. П. Андреев обратил внимание и на то, что поэт тяготы положения вдовы переносит на положение солдатки, тем выражая народный взгляд на рекрутчину, как на горе, равносильное смерти. В воспаленном сознании Матрены проносятся картины ее возможного будущего: беззащитного положения молодой многодетной бедной женщины-солдатки в «бранчливой, сварливой» мужниной семье.

Оригинальный поэтический образ ключей, проглоченных рыбой, пришел в поэму из «Плача о писаре» И. Федосовой. Но из пространного рассказа «Как, отколь в мире горе объявилось» Некрасов взял лишь образ ключей, введя его в совершенно иной, чем в причете, идейно-смысловой контекст.

Так доказывала поэзия Некрасова родство свое с фольклором, но не тождество.

Мы рассмотрели вопрос об использовании Некрасовым в поэме «Кому на Руси...» отдельных жанров устного народного творчества, смысловую и стилистическую роль каждого из них. Но связь поэмы с фольклором этим не ограничивается. Некрасов настолько органично и глубоко усвоил законы народной поэтики, что печать ее ощущается на всей образно-эмоциональной системе «Кому на Руси...». Живая связь ее с народно-поэтической стихией проявляется прежде всего в системе таких изобразительных средств, как СРАВНЕНИЕ и ЭПИТЕТ.

В поэме «Кому на Руси...» 140 сравнений, и, пожалуй, именно они в значительной мере определяют стилевую окраску произведения.

Значительная часть сравнений имеет фольклорную основу, они фольклорны по происхождению: около 20 сравнений пришло в поэму из пословиц и загадок, около 15 — из причитаний и песен. О первой группе мы уже говорили, вторая богато представлена в рассказе Матрены Тимофеевны.

Вот Матрена Корчагина, сдерживая гнев, рисует наезд в деревню «гостей непрошенных, неправедных судей». Станового — представителя грубой, враждебной народу силы — она

последовательно уподобляет зверю, рыкающему в лесу, необъезженному норовистому коню, коршуну налетному, лютому зверю, налетевшему вихрю, черному ворону. Сравнения эти, как мы уже видели, взяты из «Плача о старосте» И. Федосовой. Общим местом похоронных причитаний является и сравнение:

Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,

передающее исступление Матрены при вести о смерти первенца. Сравнение гроба с домом («Ой, плотнички-работнички» и т. д.) и горя, преследующего человека в виде летящей птицы, тоже ведут нас к сборнику Барсова.

На ряде параллельных сравнений построено описание красоты Демущки:

Как писаный был Демущка!
Краса взята у солвышка... и т. д.

Некрасов в этом случае использовал текст свадебной величальной песни жениху из сборника П. Н. Рыбникова, но, художественно обработав, вложил его в уста матери, рассказывающей о любимом ребенке. Матрена говорит о своем младенце словами народной песни, рисуя идеал человеческой красоты. Белизна лица уподоблена снегу, глаза соколиные, брови соболи, губы алые, как цветущий мак, — все традиционные образы. Но именно эта фольклорная традиционность делает портретную характеристику, исходящую от матери-крестьянки, психологически и художественно оправданной.

В поэме мы встречаем ряд сравнений, может быть и не взятых Некрасовым из определенного фольклорного источника, но созданных по законам народной поэтики: девушка цветет, как «маков цвет», толпа гудит, «что море синее», девки на ярмарке «лебедками плывут», окрыленная радостью женщина символически уподоблена плывущему лебедю, бегущей перепелочке, летящему голубю («Губернаторша»).

От законов народной поэтики идет и пристрастие Некрасова к отрицательным формам сравнений типа:

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!

Характерной особенностью сравнений в эпосе Некрасова является то, что все они, заимствованные из фольклора и созданные поэтом, тесно связаны с народным бытом и системой народного мышления.

Крестьянину, благодаря специфике его труда, приходится постоянно и тесно соприкасаться с миром природы. Следствием этого явилось и было закреплено поэтикой народного творчества представление о единстве мира природы и человека. Этот народно-поэтический принцип воспринят Некрасовым. Образы природы в поэме служат средством обрисовки и раскрытия характера человека, природа дана через призму восприятия ее трудовым народом. Постоянная соотнесенность мира природы с миром человеческой жизни и труда характеризует всю систему сравнений в «Кому на Руси...». Это очень отчетливо ощущается в сравнениях, введенных Некрасовым в пейзажные зарисовки и описания.

Быт и пейзаж в поэме тесно связаны. На природу поэт смотрит глазами крестьянина-труженика, поэтому и пейзаж рисуется при помощи сравнений, взятых из сферы крестьянского быта и обихода. В сравнении, рисующем весеннее солнечное небо («Весной, что внуки малые, / С румяным солнцем дедушкой / Играют облака...»), внесюжетно возникает небольшая жанровая сценка: старый ласковый дед на солнечном припеке, на крылечке или завалинке и окружившие его деревенские светловолосые ребятишки... То же самое происходит и в приводимом уже сравнении «Смеется солнце красное, / Как девка из снопов».

Пейзаж окрашивают хозяйственные думы, заботы, ассоциации:

...облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам...

Или:

Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешены мотки...

Озабоченные холодной весной странники наблюдают за небом. Проливные дожди грозят бесхлебицей и голодной смертью крестьянину. Эти мрачные предчувствия отражены сравнением нагой земли, лежащей под пасмурным небом, с обнаженным телом мертвеца:

...как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Отношение героев к природе связано с их социальным обликом. Если взгляд крестьян на природу окрашен думами об урожае, о труде, о быте, то пейзажные картины в рассказе Оболта этих ассоциаций начисто лишены, что отражается и на характере употребляемых им сравнений.

Ту же насыщенность хозяйственно-бытовыми аналогиями мы наблюдаем и в сравнениях, употребляемых автором при описаниях. Чайник с чашками на вывеске гостиницы напоминает мужикам гусыню с гусятами, представление о бедности крестьянских изб, обитателям которых всегда грозит нищенская сума, раскрывается сравнением:

Что ни изба — с подпоркою,
Как нящий с костылем...

Грязная, обветшалая изба с подпоркой напоминает грязного, оборванного нищего-калеку. Здесь и внешнее сходство, и намек на жизненные перспективы жителей деревни Клин.

Паразитизм, растерянность, обреченность «дворни ноющей» в покинутой помещиком усадьбе переданы через бытовое сравнение-сценку: вымораживание мужиком тараканов из избы.

В лирических отступлениях самые отвлеченные понятия также раскрываются через картины крестьянского труда. Вспомним развернутое в целую картину сравнение души народа с доброй плодородной почвой в главе «Странники и богомольцы».

Неотделимы от быта и сравнения, встречающиеся в прямой речи крестьянских персонажей:

А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!

Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели...
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерия в бороне!..

Трагичность судьбы русского солдата (Овсянникова) метко раскрыта через конкретно-бытовое сравнение. Клим Лавин говорит:

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький...

Почти все эскизные портретные зарисовки в поэме даны через сравнение человека с каким-либо явлением из мира природы или хозяйственного быта: «как стог подщипанный», стоит на плоту толстая поповна, подоткнувшая подол, «как редьку за вихор», дергает пьяный муж «бабу за косу», «как блоха проворная», упрыгнула от пьяного мужика какая-то Оленушка, у надорвавшегося Трофима, «как грабли, руки тощие, / Как спицы, ноги длинные», у Савелия — «словно радуга, / Усмешка на лице», а сам он сравнивает себя, согнувшегося, исхудавшего, с корейским комаром; с земледельческим трудом связаны все сравнения в портретной зарисовке Якима Нагого. Перечень можно продолжать бесконечно...

Но нельзя забывать главного: сравнения в «Кому на Руси...» при всем их родстве с народно-поэтической стихией — это некрасовские сравнения, ибо фольклорные образы, переплавленные в творческом сознании поэта, вошли в эпопею в ином качестве, вошли идейно и художественно обогащенными. Хочется пояснить это на одном примере.

В главе «Пьяная ночь» стихийно зреющие силы народного гнева раскрыты через яркое сравнение:

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гнева, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям...

Сравнение построено на столь характерном для народного творчества параллелизме явлений природы и человеческой жизни, включает в себя постоянный эпитет черная туча, стоящий к тому же, как положено в фольклоре, после определяемого слова; связь с просторечием ощущается в употреблении слова «оттудова» и союза «что» в значении «как». Это, так сказать, исходные народно-поэтические данные, народные истоки. А результат — истинно некрасовский. При сохранении народной простоты и конкретности (ведь оно — перл крестьянского красноречия!) сравнение это полно гражданского пафоса. Уже само сопоставление души народной с чер-

ной грозовой тучей — величественно, монументально. Но Некрасову этого мало. Словом «гневна» (темная туча может быть грозной, но гневной быть не может!) поэт переключает мысль читателя с явления природы на явление социальное. Последняя строка «Кровавым лить дождям» раскрывает эзоповский характер всего сравнения: речь идет о грозе народного гнева. Энергия звучания, гневный пафос стиха, усиливается удачно найденной аллитерацией: повторение звука «р» делает стих звучащим подобно громовым раскатам. Такой отточенности мысли и формы мы не встретим в народном творчестве.

Эпитеты в «Кому на Руси...» не играют такой, как сравнения, стилеобразующей роли. В большинстве своем они очень просты, предметно-конкретны, часто лежат на грани между эпитетом как художественным определением и определением логическим, а потому эмоционально малоощутимы в тексте произведения. Определенную же стилистическую окраску повествованию придает другая, также численно очень значительная группа эпитетов, идущих от народного творчества. Это так называемые постоянные эпитеты, придающие поэме эпический колорит: волки серые, солнце красное, звезды частые, тени черные, воску ярого, лисица хитрая, заяка серенький, ночка темная, море синее, ветры буйные, леса дремучие, лето красное, туча черная, горе лютое, вода студеная, речка быстрая и т. д.

По законам народной поэтики эпитет должен стоять после определяемого слова. Это мы видим и в приведенных из поэмы примерах. Но влияние народно-поэтической стихии в поэме так сильно, что действию названного закона подчиняются в ней не только постоянные эпитеты, но и определения, имеющие чисто авторское происхождение: баба встречная, шутка славная, корова глупая, одежда старая, реки русские, всходы бедные, мужик отчаянный, холуй чувствительный и т. д.

Поставленные на необычное, сравнительно с нормами разговорной речи, место, эпитеты и логические определения в поэме обретают по законам инверсии особую значимость, весомость. Мало того, в результате действия закона аналогии у нас возникает ощущение причастности к эпической стихии даже тех эпитетов, которые к ней явно не имеют отношения: твердо закрепленные после определяемого слова, они по художественно-эмоциональной функции как бы приближаются к эпитетам народно-поэтическим.

Закрепленное положение эпитета, выраженного, как правило, членной формой прилагательного и расположенного чаще в конце стихотворной строки, создает определенный ритм, придает поэме ту плавность, эпическую текучесть, которая так характерна для народно-поэтической речи.

Таким образом, характер средств языковой изобразительности — сравнений и эпитетов — обусловлен в «Кому на Руси...» позицией автора как выразителя настроений и дум крестьянства и органической близостью эпопеи народной жизни к фольклорной стихии.

Некрасов в своем творчестве опирался на меткую образную народную речь не только в ее устно-поэтической, но и разговорно-бытовой форме, и стиль «Кому на Руси...» представляет собой сплав, в котором литературный язык, элементы фольклора и живая разговорная речь слились в органическом единстве.

Из современной Некрасову поэзии «Кому на Руси...» выделяет уже лексическое своеобразие. Создавая «эпопею народной жизни», Некрасов, всегда тяготевший к точности речевой характеристики явления, не мог ограничиться лексикой литературно-поэтического языка своего времени. Поэтический словарь середины XIX века не давал автору «народной эпопеи» достаточных возможностей для конкретной художественной характеристики всех сторон крестьянской жизни и быта. И Некрасов смело расширяет круг необходимых ему для передачи специфики народного быта слов за счет живой народной речи и даже за счет тех лексических находок, которые он заметил в местных, ярославско-костромских говорах.

Тема определила стиль, в том числе и характер ЛЕКСИКИ, поэмы. Ни в одном из произведений русской поэзии XIX века мы не найдем такого количества слов, обозначающих явления и предметы народного быта и труда. Кузница, базар, недоуздочек, стадо, мерин, береста, косушка, корова, жбанчик, армяк, лапотки, вошь, блоха, онученьки, луга, навоз, мельница, жнитво, сенокос, половодье, угоды, скотина, конь, плот, холка, ярмонка, кабак, шлыки, штаны, рубахи, косули, грабли, бороны, багры, станки тележные, ободья, топоры, ивановские ситцы, шлеи, башмаки, рига, поддевка, страда, пожня, зажорины, плетюхи, пеун, денник и т. д. и т. д. Оби-

лие крестьянско-бытовой лексики составляет одну из особенностей стиля «Кому на Руси...».

Одни из перечисленных (и подобных перечисленным) слов входили в литературный язык некрасовской поры, но представлены у Некрасова в необычном для жанра поэмы изобилии, другие принадлежат исключительно просторечию, третьи — диалектного происхождения.

В свое время в некрасоведении высказывалась мысль,¹³ что именно обилие диалектной лексики северных говоров определяет своеобразие языка поэмы.

Но это не так.¹⁴ Лексические диалектизмы поэт вводит очень осторожно и в очень умеренном количестве. По подсчетам Е. П. Дубровиной, их в «Кому на Руси...» насчитывается всего 104 (на 240 страниц текста). Лексические диалектизмы (косули, зажорины, плетюхи, пеуны, прялица, очеп и др.) встречаются, в основном, в прямой речи крестьянских персонажей и служат средством создания локального колорита, вызывающего ощущение подлинности изображенного. Мы не встретим в поэме скопления диалектных слов, они изредка вкраплены в повествование и в общем контексте поэмы сливаются с просторечной и литературной лексикой. Возможно, что Некрасов пользовался лексическими диалектизмами, не осознавая подчас их диалектной природы, отождествляя их с просторечием.

Просторечная лексика в поэме не ограничена областью крестьянского обихода. Постоянно наряду и наравне со словами литературного языка мы встречаем в поэме просторечия типа гуторить, вольготно, молвить, пуще, не казист, вестимо, спозднилось, братан, насулить, ластиться, зазорно, мастак, блажь, орал и т. д.

Не останавливается поэт и перед введением в текст эпоеи и грубых слов, вульгаризмов, когда они необходимы для решения художественной задачи.¹⁵ Так, мы можем встретить в поэме слова «подлец», «плевое», «башка», «втемяшится»,

---

¹³ *Копорский С. А.* Диалектизмы в поэтическом языке Некрасова // Уч. зап. Калинин. пед. ин-та. Калинин, 1947. Т. XV. Вып. I. С. 282.

¹⁴ *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова; *Дубровина Е. П.* Стилистическая роль народно-диалектных форм в поэме // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962.

¹⁵ «...В стихе иногда невозможно без грубого слова, надо только, чтобы оно оправдывалось необходимостью, да чтобы не было это часто», — писал Некрасов (X, с. 138).

«схапали». Встретим (в прямой речи крестьян, побывавших в столице, или лиц, так или иначе соприкоснувшихся с «барской» культурой) и искаженные слова иностранного происхождения: фалетур, атечество, пенция, новорситет.

Поэма переполнена чисто народными речевыми оборотами, фразеологизмами, которые придают ей неповторимый национально-самобытный колорит: «лыжи повернул», «насулил три короба», «накласть в бока», «зажал под ноготь», «точить лясы», «дал стречка», «душа чернильная», «со свечкой поискать», «надуть в уши», «водой не разольешь» и многие другие.

Некоторые слова литературного языка Некрасов употребляет в их исконно народном значении: «красный» — в смысле «красивый» («толпа без красных девушек...»), «знатный» — в смысле «замечательный», «хороший» («Льны тоже нынче знатные...»).

Некрасов часто склоняется к употреблению в поэме союзов и союзных слов, характерных для народной разговорной речи: «коли» и «кабы» в значении «если» («Коли платить не можете... / Ах, кабы знать! Послала бы...»); «что» в значении «как» и «сколько» («Что борзый конь на привязи... / Гляди, что протянулося / Крестьянских рук...»); «про» в значении «для» («Про баб товару всякого...»).

Сохранены в поэме и некоторые фонетические особенности местных северных говоров (куды, маненичко, ярмонка, нонче, робятушки, глонуть, загануть загадку, третьеводни и пр.), но они встречаются лишь в прямой речи народных персонажей как средство речевой индивидуализации. Диалектные нормы произношения определяют и постановку ударения в ряде слов, встречающихся в поэме: чудён, вóпит, тощóй.

Все это, вместе взятое, не могло не накладываться на стиль поэмы печати простонародности. Но еще большую роль в создании народно-стилевого колорита поэмы играет умелое использование Некрасовым в ритмомелодических целях некоторых морфологических особенностей северо-русских говоров.¹⁶

Прежде всего бросается в глаза громадное число в «Кому на Руси...» слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Это суффиксы «ушк», «юшк», «ышк» (ребятушки, гнездышко, заботушка, крылышки, матушка, хлебушко, Демушка, Климушка, Власушка, Матренушка, Савельюшка...), «чик», «чек»,

¹⁶ См. названные выше работы К. И. Чуковского и Е. П. Дубровиной.

«чк» (недоузбочек, стаканчик, водочка, закусочка, мужички, ведерочко, поляночка, корбочка, кукушечка, огурчики, времечко, коморочка, могилочка...), «еньк», «оньк», «ыньк» (дороженька, серенький, онученьки...), «ешеньк», «ехоньк», «охоньк» (прямохенько, верхохонько, белехонька, тихохонько).

В чем же причина такого пристрастия автора «Кому на Руси...» — к подобным суффиксальным формам? К. И. Чуковский еще в 1930 году высказал мысль, что эта морфологическая особенность языка поэмы связана с ее ритмическим строем, в основе которого лежат законы поэтики народного стиха.

Северные народные говоры отличаются большой певучестью. Эта певучесть речи создается за счет дактилизации окончаний слов, замыкающих фразу. Дактиль — трехсложный размер с ударением на первом слоге, два последние слога в дактиле являются безударными: — ∪ ∪. Дактилическим окончанием называется такое, в котором ударение падает на третий от конца слог. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами создают эту дактилизацию окончаний: заб^оту^шка, поля^но^чка, доро^же^нька, бел^ехо^нь^ко. Присутствие в народной речи указанных суффиксальных форм придает ей певучесть (последние безударные слоги растягиваются, поют-ся), а также оттенок мягкости, ласковости, душевности.

Характерные и для живой разговорной речи дактилические окончания в народно-песенном стихе становятся одной из основных его структурных особенностей. Возьмем ли мы былинный стих:

А подъехал как по силушке вели^ко^ей,
Он как стал-то ту силушку вели^ку^ю...

или народное причитание:

Веют ветрышки на улочке буй^не^нь^ко,
Как погодыце теперь холодне^не^нь^ко... —

везде мы увидим наличие дактилических окончаний. К. И. Чуковский обратил внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев в произведениях народной поэзии уменьшительно-ласкательные суффиксы утратили свой экспрессивно-оценочный смысл, перестали нести смысловую нагрузку и сохранили, в основном, лишь ритмическое значение, став средством дактилизации окончаний стиха.

Органически связанная с народно-поэтической стихией Некрасовская эпопея оказалась близка ей и в ритмическом отношении. Мы помним, что в поисках нужной стиховой формы для своей эпопеи Некрасов избрал следующую. Неравновеликие строфы поэмы, состоящие из нескольких строк трехстопного ямба с нарощенными дактилическими окончаниями, замыкаются конечной ямбической строкой с мужским окончанием. Таким образом, подавляющее число стихотворных строк в поэме имеет дактилические окончания. Теперь становится ясным, что выбор Некрасовым ритма для «Кому на Руси...» был обусловлен его стремлением сделать ритмо-мелодический рисунок стиха своей эпопеи органически близким народно-песенной традиции.

Но вернемся к вопросу о пристрастии автора «Кому на Руси...» к суффиксальным формам. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, занимая конечное положение в стихотворной строке, и создавали это дактилическое окончание:

Приспела скоро водо́чка...
Всех прежде зайка се́ренький...
Кукуй, кукуй, кукуше́чка!..

Стремление Некрасова к дактилизации стиха обусловило использование им в поэме и других морфологических форм, свойственных русскому народному языку и выполняющих в народной поэзии ту же ритмическую функцию. Так, принятое в литературной речи краткое окончание возвратной формы глагола «сь» в поэме часто заменяется на долгое простонародное «ся» (яви́лось, роди́лось, засмея́лся, перегляну́лись, вцепи́лся, сбива́лся), широко применяются в ней многократные формы глаголов (уга́дывай, рассчита́вай, погу́ливал, поры́кивал, пошвы́ривал), деепричастия с окончаниями на «учи», «ючи» (гля́дячи, перелета́ючи, уме́ючи, припева́ючи). Обилие названных морфологических форм, обеспечивающих протяжно-песенные дактилические окончания стиха, усиливает в то же время народный колорит языка поэмы.

Как и в народном стихе, требованиями дактилизации вызван перенос ударений на предлог в словах, завершающих строку (по́ небу́, на́ се́рдце, по́ го́ду, не́ люди́, за́ ко́су, на́ по́мочь), или постановка этого ударения на необычном месте (неотплаче́нные, подкосо́нная, сует́ся).

Таким образом, одним из основных стилеобразующих средств при работе Некрасова над эпопеей «Кому на Руси...» явилось

использование им морфологических особенностей народного разговорного и поэтического языка.

В области ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА также отчетливо ощущается связь стиля «Кому на Руси...» с нормами живой разговорной народной речи, с одной стороны, и песенной поэтикой — с другой. «Разговорная дикция на всем протяжении поэмы постоянно стремится к песне...», некрасовская речь все время колеблется «между песней и повествовательным сказом». ¹⁷

Максимальная приближенность синтаксического строя поэмы Некрасова к формам живой народной речи проявляется в простоте словесных конструкций, преобладании сочинительных связей над подчинительными, использовании просторечных форм управления: дательный падеж с предлогом «по» для обозначения времени (по весне, по лету), творительный с предлогом «за» — для обозначения причины («За мужем, за заступником...»), использование конструкций с так называемой нарушенной грамматической связью («А обод как распрямится — / Щелк по лбу мужика!»), различные формы неполных и незаконченных предложений, с опущенным сказуемым («Привстал — и бабу за косу, / Как редьку за вихор!»), опущенной связкой («Попова каша — с маслицем...») и т. д.

Подобные конструкции создают ощущение лаконичной меткости, живости, динамической экспрессии языка поэмы, призванного передать динамику самой жизни, насыщенность «Кому на Руси...» действием, движением. Этой же цели служит в поэме обилие глагольных форм, в том числе усеченных (хватя! щелк!), передающих стремительность и внезапность действия.

Экспрессивность и динамизм повествования усиливаются обилием разговорных частиц и междометий (чу!, ой!, ай!, эх!, ан, то, тко), обилием восклицательных (510) и вопросительных (419) предложений, часто включающих в себя междометия и междометные обороты:

Эй, скатерь самобранная!..

Ой, тени! тени черные!.. и т. п.

Сохраняя непосредственную живость разговорной речи, синтаксический строй поэмы тесно связан и со структурными особенностями народного стиха.

---

¹⁷ Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. С. 590.

Начнем с того, что поэзия Некрасова (в том числе «Кому на Руси...») впитала «присущую народной поэзии систему обращения с прямой речью к любому лицу и предмету»: ¹⁸

Кукуй, кукуй, кукушечка!..
Ой, ты, пичуга малая!..
Но вы, поля весенние!..
Ты и убогая,
Ты и обильная...

По замечанию все того же К. И. Чуковского, «эта форма, сближая некрасовскую поэтику с народной, во много раз увеличивает эмоциональную силу стиха и придает ему живую выразительность». ¹⁹

С народной песней сближает язык поэмы Некрасова и такой структурный элемент, как всевозможные виды словесных и синтаксических повторов и параллелизмов. Встречаем мы столь характерный для песни прием повтора предлогов:

По делу всяк по своему...
За птенчика за малого...
Под этими под соснами...
Из тонкой из пеленочки...

Повторяется одно и то же слово в пределах стихотворной строки:

Ой, ночка, ночка пьяная...
Прости, прости, Матренушка!..
Жирей, — жирей до времени!..
И начала сердечная
Мычать, мычать, мычать...

Часто повтор строится на синонимическом параллелизме, то есть роль повтора, словесного эха выполняет синоним слова:

Пропали гуси-лебеди.
Пропали фрукты-ягоды...
Тоска-беда измучила...

Названные синонимические пары народно-песенного происхождения.

Прием словесного повтора придает стиху плавность, текучесть, усиливает его ритмичность, создавая дополнительное ритмическое членение строки на два однородных полустипа:

¹⁸ Там же. С. 558.

¹⁹ Там же. С. 559.

Ой, ласточка, / ой, глупая...
Под розгами, / под палками...

за счет возникновения в пределах строки внутренней, чаще всего ассонансной, рифмы.

Очень важное место в поэтическом синтаксисе поэмы занимают различные виды параллелизмов, как положительных, так и отрицательных. Часто мы встречаемся с анафорой (единоначатием стиха):

Приспела скоро водочка,
Приспела и закусточка...

Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою...

Эти единоначатия переходят, как правило, в более глубокий параллелизм, в синтаксически однородное построение фраз, при котором второй стих повторяет словесный узор первого:

Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются...

Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики...

В груди у них нет душевьи,
В глазах у них нет совести...

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай...

В последнем случае синтаксический повтор имеет характер сказочного зачина, служит средством эпического замедления повествования.

В основе параллелизма строк могут лежать характерные для народного творчества отрицательное сравнение, контраст:

Не ветры веют буйные,
Не мать земля колышется...

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном...

Широко применяется Некрасовым народно-песенный прием подхвата вторым стихом окончания первого (поэтический стык):

Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутыми!..

Адмирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил...

Стык служит не только ритмизации и мелодизации стиха. В ряде случаев он способствует нагнетению определенной эмоции:

С родом племенем; Что народу-то!
Что народу-то! С камнем в воду-то!..

или эпическому замедлению речи рассказчика:

Поспоривши-повздорили,
Повздоривши-подрались,
Подравшись-одумали...

В связи с тем, что богатство созвучия создается за счет разнообразных форм и видов повторов и параллелизмов, рифма в стихе начинает играть подчиненную роль. В целом поэма «Кому на Руси...» написана белым, безрифменным стихом, что опять-таки сближает ее с произведениями народной поэзии, как правило, не знающей рифмы. В тех же случаях, когда рифма присутствует в поэме, она по своему характеру (глагольная, ассонансная) опять-таки близка народно-песенной.

Таким образом, какую бы сторону поэтического стиля великой эпопеи Некрасова мы не взяли, везде обнаруживаются глубокие **НАРОДНЫЕ ИСТОКИ** этого стиля.

Следует, однако, добавить, что в «Эпиллоге» главы «Пир...» ощущается совершенно другая стилевая манера, появляется гражданско-патетическая лексика, отчасти меняется ритмический строй, но не это определяет стилевые особенности основного массива эпопеи народной жизни.